DOI 10.51522/2307-0382-2021-230-7-60-73

УДК 341.345

Д. А. ЕРИН

начальник кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета
ВЮИ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент, полковник внутренней службы

Владимир

DMITRY A. ERIN

Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law, of the VLI
of the FPS of Russia, Doctor of Law, Associate Professor, Colonel of the Internal Service

Vladimir

Д. И. РУБЦОВ

ученый секретарь ученого совета ВЮИ ФСИН России, подполковник внутренней службы

Владимир

DMITRY I. RUBTSOV

Scientific Secretary of the Academic Council of the VLI of the FPS of Russia, Lieutenant-Colonel
of the Internal Service

Vladimir

И. А. ФИЛИМОНОВ

доцент кафедры оперативно-разыскной и административной деятельности
Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

Владивосток

IVAN A. FILIMONOV

Assistant Professor of the Department of Operational-Search and Administrative Activities
of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation Candidate of Law

Vladivostok

Организация содержания интернированных военнослужащих Чехословацкого легиона в Суздальском лагере НКВД СССР (1940–1941 годы)

Organization of the keeping of interned servicemen of the Czechoslovak Legion in the Suzdal camp of the NKVD of the USSR (1940–1941)

Аннотация. В представленной статье на основе анализа ранее неопубликованных документов, содержащихся в архиве Информационного центра УМВД России по Владимирской области, раскрываются некоторые аспекты организации содержания интернированных военнослужащих Чехословацкого легиона в Суздальском лагере НКВД СССР в период с лета 1940 по сентябрь 1941 года. Предметом статьи выступили правоотношения, связанные с организацией, правовым закреплением и практикой содержания интернированных военнослужащих, а также нормы отечественного законодательства, правоприменительная практика и архивные данные по исследуемой проблеме. Цель исследования – выявить и охарактеризовать основные вопросы организации содержания в Суздальском лагере НКВД СССР изучаемой категории иностранных граждан в исследуемый период. Методологическую основу исследования составили диалектический метод, анализ, синтез, индукция, системно-структурный, формально-логический методы, а также метод историко-правового анализа, формально-юридический метод. В результате проведенной работы проанализированы предпосылки формирования в системе НКВД СССР специализированной структурной единицы, основной задачей которой являлось содержание военнопленных и интернированных, в том числе раскрыта структура управления Суздальским лагерем. Определены и охарактеризованы основные нормативные правовые акты, устанавливающие порядок содержания военнопленных и интернированных в лагерях НКВД СССР. Раскрыты вопросы реализации правил внутреннего распорядка и дисциплинарной практики в отношении интернированных военнослужащих Чехословацкого легиона, а также некоторые особенности привлечения их к труду. Сделаны выводы об

Annotation. The presented article, based on an analysis of yet unpublished documents contained in the archives of the Information Center of the MIA of Russia Administration for the Vladimir Region, reveals some aspects of organizing the keeping of interned servicemen of the Czechoslovak Legion in the Suzdal camp of the NKVD of the USSR in the period from the summer of 1940 to September 1941. The article explores legal relations related to the organization, legal confirmation and practice of keeping interned servicemen, as well as the norms of domestic legislation, law enforcement practice and archival data on the problem under study. The purpose of the study is to identify and characterize the main issues of organizing the keeping the category of foreign citizens under study in the Suzdal camp of the NKVD of the USSR during the above-indicated period. The methodological basis of the research was formed by the dialectical method, analysis, synthesis, induction, system-structural, formal-logical methods, as well as the method of historical-legal analysis and formal-legal method. As a result of the work carried out, the prerequisites for the formation of a specialized structural unit in the NKVD system of the USSR were analyzed, the main task of which was the keeping of prisoners of war and internees, the structure of management of the Suzdal camp was also described. The main normative legal acts establishing the procedure for keeping prisoners of war and internees in the camps of the NKVD of the USSR are defined and characterized. The article reveals issues of implementation of internal regulations and disciplinary practice in relation to interned servicemen of the Czechoslovak Legion, as well as some features of their involvement in labor. Conclusions were made about the special status of the Czechoslovak Legion, which was separated from the prisoners of war, and the internees were provided with

особом статусе Чехословацкого легиона, который был отделен от военнопленных, а интернированным предоставлены иные условия и создан относительно благоприятный режим содержания, соответственно, организация нахождения в Суздальском лагере НКВД СССР подобной категории лиц в конкретных исторических условиях отвечала требованиям международного права.

Ключевые слова: интернированные, Чехословацкий легион, УПВ (УПВИ) НКВД СССР, Суздальский лагерь НКВД СССР, организация содержания.

different conditions and a relatively favorable regime was created, respectively, the organization of the stay in the Suzdal camp of the NKVD of the USSR for such a category of persons in specific historical conditions met the requirements of international law.

Keywords: internees, the Czechoslovak Legion, the Department for Prisoners of War, Department for Prisoners of War and Internees of the NKVD of the USSR, the Suzdal camp of the NKVD of the USSR, the organization of the keeping.

12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки)
Theory and history of law and state; history of doctrines of law and state (legal sciences)

Вопросы содержания интернированных являются актуальными и нуждающимися в исследовании как с научно-практической, так и с политической точки зрения. Тем более, если они относятся к истории нашей страны и ее правоохранительной системе, которая функционировала в довольно сложный период развития отечественной государственности. Существует достаточное количество работ, посвященных вопросам содержания военнопленных в СССР, большинство из которых относится к исследованиям, связанным с правовым статусом данной категории лиц периода Великой Отечественной войны. Среди них значительное место занимают труды Н. А. Беловой [1], А. Л. Кузьминых [2], Н. М. Маркдорф [3] и других исследователей, которые раскрывают многие вопросы правового регулирования военного плена. Вместе с тем проблематика содержания интернированных в СССР в период, предшествовавший Великой Отечественной войне, во многом остается за рамками научного интереса отечественных исследователей как историков,

так и юристов. К числу недостаточно освещенных вопросов относится, например, судьба военнослужащих Чехословацкого легиона Польской армии. Отечественные авторы, рассматривая историю становления и развития Чехословацкого батальона (далее – бригады, корпуса) в составе Рабоче-крестьянской Красной Армии (далее – РККА, Красная армия), принимавших участие в боях с фашистской Германией, как правило, не раскрывают предысторию формирования этого подразделения по вполне понятным причинам идеологического и политического характера. Например, в работах отечественных историков и в воспоминаниях чехословацких руководителей практически не упоминается о периоде содержания чехословацких легионеров в предвоенный период в СССР. Таким образом, отсутствие работ по положению интернированных Чехословацкого легиона в период с 1939 по 1941 год и вызывает необходимость предпринять попытку восполнения пробела в историко-правовой науке с целью получения дополнительных знаний по проблемам

тике. Необходимость исследования, основанного на анализе норм советского права, правоприменительной практики, ранее не введенных в научный оборот архивных материалов, позволит воссоздать реальную картину содержания этой части Польской армии в системе Управления по делам военнопленных и интернированных, далее – УПВ (УПВИ) НКВД СССР, без огульных обвинений в адрес советского тоталитарного режима.

Правовой статус военнопленных и интернированных, как известно, отличался друг от друга, причем советское государство строго следовало этим нормам международного права. Лица из состава вооруженных сил, попавшие во власть неприятеля, являются военнопленными, тогда как интернированию подлежат военнослужащие воюющих сторон, попавшие на территорию нейтрального государства, которым и являлся СССР в период захвата Германией Польши.

История Чехословацкого легиона как части Польской армии началась с момента его формирования из числа военнослужащих армии Чехословакии, которые после известных событий и капитуляции Чехословакии эмигрировали на территорию Польши и решили продолжить борьбу с фашистской Германией в рядах Польской армии. После начала войны Германии с Польшей (3 сентября) был сформирован легион из чехов и словаков, однако участия в боях он не принимал. В сентябре 1939 года Чехословацкий легион оказался в районе города Тернополь (у села Радовец) и был интернирован частями Красной армии.

Необходимо подчеркнуть, что судьба Чехословацкого легиона во многом зависела как от внутренней политики

государства, так и от внешнеполитических факторов, что, безусловно, влияло на выбор места его содержания. Первоначально чехи содержались в приемном пункте для военнопленных в населенном пункте Ярмольницы (УССР). Вместе с тем в докладной записке о маршрутах отправки военнопленных из приемных пунктов в лагеря от 24.09.1939 указано, что «со станции Ярмолинцы отправлено чехословаков 725 человек в Оранский лагерь» [4]. Однако эта информация не соответствовала действительности, и чехи продолжали оставаться в этом приемном пункте.

В соответствии с приказом НКВД СССР о «разгрузке» спецлагерей Оранский лагерь НКВД СССР согласно Сводке о наличии военнопленных и интернированных, содержащихся в лагерях, на 23.07.1940 [5] был «освобожден от военнопленных и интернированных» и по решению НКВД СССР Чешский легион был передислоцирован летом 1940 года в Суздальский лагерь, созданный на базе Суздальской тюрьмы ГУТБ НКВД СССР. Причины его создания, скорее всего, определялись нахождением в относительной близости от Оранского лагеря, что удешевляло переброску, наличием подготовленной базы и в первую очередь более приемлемых условий содержания в отличие от других лагерей, в том числе и Оранского, который подготавливался для содержания других категорий спецконтингента.

Суздальский лагерь НКВД СССР в период с 1940 по 1941 год располагался на территории Спасо-Евфимиевого монастыря в городе Суздале Ивановской области. Организационная структура Суздальского лагеря основывалась на

принятом НКВД СССР от 29.09.1939 Положении о лагере для военнопленных (далее – Положение) [6]. Согласно Положению структура управления лагерем выглядела следующим образом:

- руководство лагеря (начальник, его помощник и комиссар лагеря), с возложением на начальника общего руководства лагерем, за исключением особого отделения, заместитель начальника лагеря (он же начальник войсковой и вахтерской охраны), дежурный комендант (прием, размещение, поддержание порядка в лагере);

- канцелярия, отделения: особое, политическое, учетно-распределительное, финансовое, хозяйственное, санитарное, а также команда внутренней охраны (наблюдение за соблюдением правил внутреннего распорядка, проведение обысков помещений и личных обысков интернированных, содействие войсковой охране в предотвращении и пресечении побегов) и пожарной охраны.

Наружная охрана лагеря осуществлялась ротой 134-го отдельного конвойного батальона конвойных войск НКВД СССР.

Приказом по Суздальскому лагерю № 1 от 21.06.1940 в должность начальника Суздальского лагеря НКВД СССР вступил старший лейтенант госбезопасности Коротков, в этот же день в лагерь прибыло из Оранского лагеря НКВД СССР 683 человека (в том числе шесть женщин и один ребенок) – интернированных военнослужащих Чешского легиона, которые в этот же день были зачислены на все виды довольствия [7]. Практически сразу по прибытии в лагерь, на основании решения НКВД СССР от 19.06.1940, 56 военнослужащих легиона надлежало отправить в город Одессу для дальнейшего следования за границу. Они были

отправлены 26.06.1940 согласно служебной записке начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР П. М. Фитина начальнику управления П. К. Сопруненко об отправке интернированных легионеров бывшего чехословацкого легиона Войска Польского из Суздальского лагеря в гор. Одессу (далее – Служебная записка П. М. Фотина) [8]. В целом вопрос о количественном составе интернированных в разных источниках варьируется. А. Л. Кузьминых, опираясь на сводку УПВ НКВД СССР о составе интернированных в Козельском и Юхновском лагерях указывает, что на 23.07.1940 в Суздальском лагере содержалось 607 интернированных чехов [2], тогда как в Служебной записке П. М. Фотина указано, что на 01.08.1940 в Суздальском лагере оставалось 611 человек [8]. В лагерной документации цифра наличия интернированных вообще упоминается только один раз – в день прибытия.

Следует указать, что процесс формирования лагерной администрации продолжался в течение июня–июля 1940 года. То есть несмотря на прибытие спецконтингента штат лагерной администрации был неуккомплектован и первоначально основывался на уже существовавшем штате бывшей Суздальской тюрьмы ГУГБ НКВД СССР, которого явно не хватало для обеспечения содержания интернированных. Так, например, приказом начальника лагеря от 4 июля были приняты на должности дежурного коменданта – один человек, старших вахтеров – два человека, коменданта – один, старшего инструктора политчасти – один, вахтеров – 10 человек; приказом от 11 июля укомплектована должность начальника вахты [9] и так далее. Комплектование продолжалось в течение всего июля 1940

года, что не могло не повлиять на качество несения службы вновь принятыми сотрудниками. Это проявлялось в нарушении пропускного режима со стороны должностных лиц вахтерской команды и коменданта лагеря. В частности, приказом начальника лагеря № 11 от 13.07.1940 «О порядке выделения и выхода из лагеря на работы и отпущенных в городской отпуск» предписывалось «...прекратить выпуск без пропуска», а начальнику вахтерской команды усилить инструктаж вступающей на службу смены вахтеров [9].

Необходимо подчеркнуть, что легион сохранял свою структуру воинского формирования и в Суздальском лагере продолжал состоять из *штаба, четырех пехотных, технической, авиационной, артиллерийской роты и офицерской школы*. Интернированные были размещены поротно в комнатах, с назначением старшего по комнате, а также с выставлением суточного наряда дневальных и дежурного.

Режим и условия содержания военнопленных определялись Правилами внутреннего распорядка лагеря НКВД СССР для содержания военнопленных, утвержденными НКВД СССР от 28.09.1939 (далее – ПВР-39) [10], которые в достаточно сжатой форме регламентировали особенности правового положения военнопленных в части, касавшейся прав и обязанностей, а также санкций за нарушение режима содержания. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что военнослужащие Чехословацкого легиона не являлись военнопленными, а в ПВР-39 такая категория, как интернированные, не упоминалась и иных актов, регламентировавших специфику их правового положения, НКВД СССР не принимал.

Однако нормы, установленные ПВР-39, распространялись и на Чехословацкий легион. Последующий анализ режима и условий содержания легиона позволяет утверждать, что ПВР-39 в отношении интернированных были скорректированы с учетом специфики спецконтингента. Спецификой содержания интернированных являлось то, что выполнение правил внутреннего распорядка осуществлялось при непосредственном участии командования легиона с возложением на него обязанностей контроля за подчиненным личным составом.

Так, в одном из первых приказов по лагерю был утвержден распорядок дня, который отличался от утвержденного распорядка дня военнопленных и напоминал распорядок дня, принятый во многих армиях мира исследуемого периода, в том числе и РККА. Приказом начальника в Суздальском лагере с 23.06.1940 устанавливался следующий распорядок дня: подъем – 7:00–7:10; утренняя зарядка – 7:10–7:40; утренний туалет – 7:40–8:00; завтрак – 8:00–8:30; утренняя поверка и осмотр – 8:30–8:50; производство работ – 9:00–13:30; туалет – 13:30–13:40; обед и послеобеденный отдых – 14:30–15:30; производство работ – 15:30–18:00; личное время – 18:00–19:00; ужин – 19:00–19:40; массовая работа – 19:40–22:00; вечерняя поверка – 22:00–22:15; туалет и отбой – 22:15–23:00 [11]. Необходимо подчеркнуть, что контроль за соблюдением распорядка дня возлагался не только на администрацию лагеря и в первую очередь на дежурного коменданта, его помощников, вахтеров команды внутренней охраны, но и на должностных лиц легиона – командование, штаб, командиров рот, суточный наряд по роте и старших

комнат, с возложением ответственности за несоблюдение распорядка.

Практически сразу же после прибытия в лагерь и ознакомления с утвержденным распорядком дня начались его нарушения среди военнослужащих легиона. Приказом по лагерю отмечалось, что в течение первых дней пребывания со стороны легионеров были выявлены следующие нарушения: бесцельное хождение по территории лагеря, невыход на зарядку, курение в помещениях общежития, плохая уборка, отказы от внутрилагерных работ, на которые назначали командиры рот, особенно, в первой и второй ротах [12].

Следует обратить внимание на то, что в первые недели пребывания легиона в лагере никаких санкций со стороны администрации к нарушителям режима не применялось. Начальник лагеря предписывал командованию легиона искоренить подобные нарушения, с возложением контроля за соблюдением распорядка дня на командование легиона и командиров рот.

Как показала практика, методы убеждения не приносили своего результата. В итоге после очередной проверки со стороны руководства лагеря соблюдения порядка в расположении рот приказом от 13.07.1940 предписывалось «...штабу легиона ежедневно проверять чистоту и порядок в общежитиях рот, а в случаях обнаружения беспорядка в помещениях, плохо и неоднобразно заправленных кроватей, разбросанной обуви, одежды – отпуск прекратить всей роте» [13]. Однако в локальных актах лагеря не нашлось документов, подтверждающих факт подобной коллективной ответственности, примененной к нарушителям, что позволяет утверждать о декларативности подобного приказа.

Вместе с тем нарушения правил внутреннего распорядка продолжали фиксироваться, поэтому администрация была вынуждена применять меры наказания, предусмотренные ПРВ-39. Например, приказом от 15.07.1940 легионер, отказавшийся набить матрас и привести в порядок койку, был направлен под арест сроком на одни сутки.

Необходимо отметить, что в соответствии с утвержденными НКВД СССР Правилами внутреннего распорядка на интернированных распространялось положение об обязательности привлечения на бесплатной основе к работам по обеспечению нужд лагеря и по самообслуживанию интернированных. Этому виду работ, учитывая то, что помещения и инфраструктура лагеря не была рассчитана на содержание подобной категории спецконтингента, особенно в первый месяц функционирования лагеря, уделялось достаточно большое внимание. Причем, принимая во внимание нежелание некоторой части легионеров осуществлять подобную деятельность, начальником лагеря устанавливался поочередный порядок привлечения к работам по благоустройству лагеря, с возложением ответственности за выделение личного состава на командиров рот.

Практика выполнения ПРВ-39 и содержания интернированных за месяц их пребывания в Суздальском лагере подчеркнула необходимость более тщательного урегулирования вопроса привлечения контингента ко всем видам работ, так как возникало много конфликтных ситуаций. Следствием этого стал приказ начальника лагеря от 13.08.1940, в котором устанавливался порядок назначения работ. В частности, все работы, нормы,

количество выделяемых людей определялись начальником лагеря. Бригады на постоянную работу выделял штаб группы (так с того момента стал именоваться легион внутри лагерной документации) с утверждением руководства лагеря. Выделение бригад и отдельных лиц на временные работы и работы для «повседневного обслуживания лагеря» должны назначаться штабом группы по очереди, причем работы вне лагеря интернированные должны выполнять в *порядке добровольности* (выделено нами) от каждой роты. В приказе особо подчеркивалось, что к работам должны привлекаться все лица группы. Ответственность за выполнение возлагалась на старших бригад и командиров рот. Кроме того, за отказ от работ, самовольный уход с постоянных работ и плохое выполнение норм виновные привлекались к ответственности вплоть до лишения отпуска в город до 30 суток и строгого ареста [14].

В отличие от военнопленных, интернированных разрешалось привлекать к работам вне лагеря, с назначением старшего вахтера вахтерской команды, однако на практике на работах вне лагеря старшими команд назначались довольно часто сами интернированные.

Отличием режима содержания интернированных выступало и то, что в рамках культурно-массовых мероприятий, проводимых политическим отделением лагеря, им разрешались «городские отпуска» для посещения культурных учреждений, экскурсий, городского кинотеатра, купания и так далее, однако только в составе организованных групп. С назначением старшим группы вахтера, если отправлялись на купание, а старшим на экскурсии – работника политического от-

деления лагеря [9]. Увольнения – отпуск в город, являлись не только элементом культурно-массовой работы, но и мерой поощрения легионеров за хорошую работу и примерное поведение. Как правило, увольнения в город осуществлялись в промежуток времени с 18:00 до 22:00. Однако практика предоставления городских отпусков легионерам показала, что опоздания из увольнения стали приобретать распространенный характер. Так, в приказе по лагерю от 15.07.1940 отмечалось, что группа легионеров в количестве пяти человек опоздала из увольнения на один час, а легионер А. – на три часа. В качестве наказания всем опоздавшим от лица начальника лагеря был объявлен выговор с последующим предупреждением, что в случае повторных опозданий «...прекращу отпуск всех» с указанием, что отпуск в город необходимо производить в исключительных случаях, группой не более пяти человек от роты, по представлению штаба легиона, а «...командирам рот отпускать, в первую очередь, лиц, хорошо работающих» [13]. Относительно облегченный режим содержания легиона и во многом формальные меры наказания за несоблюдения ПВР-39 не могли не повлиять на нарушения режима и, соответственно, вызывали попытки ужесточения санкций со стороны лагерной администрации. Если в первые недели наказания за нарушения носили по большей части либеральный характер убеждения, то по мере увеличения их количества администрация была вынуждена применять более суровые меры как индивидуально, так и в качестве коллективной ответственности.

Так, приказом начальника лагеря от 14 августа подчеркивалось, что «...всякое

нарушение производства работ, прогулок, отпусков будет отражаться на интересах группы и отдельных рот, поэтому руководство лагеря призывает командный состав и всех членов группы поддерживать установленный порядок и предотвращать попытки его нарушения» [15]. Однако нам не удалось выявить фактов коллективной ответственности членов группы.

Нарушения ПВР-39, которые участились среди интернированных, повлекли ужесточение наказания. Например, за нарушение дисциплины строя на вечерней проверке 12.08.1940 и отказ подчиняться командиру роты двое интернированных были лишены отпуска в город на 10 суток и права назначения на работу вне лагеря; за драку между собой двое интернированных лишены отпуска в город сроком на семь суток, причем подчеркивалось, что в будущем «...подобные хулиганские выходки как в условиях лагеря, так и вне, будут рассматриваться как нарушение общественного порядка» [16], за несвоевременный подъем и грубость в отношении дежурного по роте интернированный **В.** был лишен отпуска в город на 10 суток.

За опоздание из городского отпуска 15.07.1940 группы из 21 человека никаких наказаний не последовало. Однако 28.08.1940 интернированный **К.** совершил побег и был задержан только через 12 суток, за что приказом по лагерю от 10 августа был привлечен к ответственности в виде строго ареста с содержанием на гауптвахте «...до особого распоряжения» [17, 18]. 30.07.1940 во время городского отпуска (с 19:00 до 22:00) по вине старшего группы из четырех человек, отпущенных в город Суздаль в качестве поощрения, был совершен побег, причем

сбежавшие были задержаны через 28 часов. После этих побегов администрацией лагеря было принято решение отпускать в город только исключительно для групповых прогулок и на массовые мероприятия, с назначением старшего группы из числа командного состава интернированных.

В связи с этим руководство лагеря столкнулось с такой проблемой: с одной стороны, отпуск в город всегда рассматривался как вид поощрения, с другой – именно отпуска являлись причиной нарушений со стороны интернированных. Опоздание из отпусков продолжали оставаться самым распространенным нарушением. Например, бригада работавших в МТС (четыре человека) была отпущена в качестве поощрения в город (с 19:00 до 21:00). Старший группы интернированный **Г.** ее распустил. В результате чего интернированный **Ю.** опоздал на один час, за что был лишен отпуска на 15 дней. Отпущенный 26.08.1940 в качестве поощрения за работу в колхозе интернированный **Р.** «...ушел от группы и вернулся пьяным...» [18].

Кроме того, в лагере, совершались более серьезные нарушения ПВР-39. Например, интернированный **К.** (который ранее уже совершал побег и был наказан арестом на гауптвахте) 20.09.1940 ушел из расположения роты и лег спать на землю посреди двора лагеря. Законные требования дежурной смены встать и вернуться в расположение роты выполнить отказался. После чего «...залез на дерево, демонстрируя упрямство простыни для жилья, на требования слезть с дерева категорически отказался, для чего штабу группы пришлось применить силу в изъятии его с дерева...» [19]. Учитывая все вышеперечисленные факты и то, что ранее **К.** неоднократно нарушал

распорядок дня, он был подвергнут наказанию в виде ареста на 20 суток.

Облегченные условия содержания для интренированных проявлялись практически во всех сферах жизнедеятельности. В том числе и за совершение противоправных поступков, за которые наступали все виды ответственности, предусмотренные советским законодательством в отношении граждан СССР. Например, согласно ПВР-39 за совершение преступлений военнопленные подвергались уголовной ответственности согласно законам СССР и союзных республик. Однако практика содержания интернированных в Суздальском лагере демонстрировала неприменение подобных норм в отношении Чехословацкого легиона. Например, первый случай был зафиксирован в июле 1940 года, когда двое военнослужащих легиона, направленные в командировку в город Владимир для погрузки автомобиля, «...ушли на базар для продажи одеяла, где были задержаны как спекулянты...». Однако санкций со стороны лагерной администрации не последовало. Приказом начальника лагеря от 15.07.1940 устанавливалось, что в случае повторного правонарушения это «...будет рассматриваться как продажа похищенных вещей и как спекуляция...» [20]. Интернированный В. «...кладет позорное пятно на всю группу...», так как попытался похитить маргарин, за что был подвергнут аресту на одни сутки с предупреждением всему личному составу, что за воровство как государственного имущества, так и личных вещей интернированных, будут строгие меры наказания. Это проявилось в отношении одного из интернированных, который в сентябре 1940 года был уличен в краже вещей с последующей продажей, за что был

подвергнут наказанию в виде ареста на 20 суток с содержанием на гауптвахте, что являлось максимальным дисциплинарным наказанием, установленным ПВР-39.

Достаточно серьезной проблемой в лагере стоял вопрос о внеслужебных связях сотрудников лагеря и интернированных, что проявлялось в покупке у них личных вещей, совершение покупок в городе по их просьбе, совместное употребление спиртных напитков и так далее. За подобные нарушения сотрудники наказывались достаточно строго, вплоть до увольнения из органов с формулировкой «за связь с интернированными».

Согласно Докладной записке Л. П. Берии И. В. Сталину о плане создания на территории СССР воинского соединения из польских военнопленных от 02.11.1940 устанавливалось, что в лагере находится 577 человек (501 чех и 76 словаков), из которых 47 офицеров, 176 младшего состава и 354 рядовых. По результатам бесед с 13 *отобранными* (курсив наш) офицерами установлено, что все они считают себя военнослужащими Чешской армии, своим врагом считают Германию и готовы продолжить вооруженную борьбу за восстановление Чехословакии, своим вождем считают лидера чешского правительства в изгнании Э. Бенеша, а в случае формирования на территории СССР чешских воинских формирований выражали готовность в них вступить для продолжения дальнейшей борьбы с фашистской Германией [21]. Причем из текста невозможно установить – выражали ли указанные офицеры свое личное мнение или это мнение всех, в том числе солдат и младших командиров.

Необходимо отметить, что количество нарушений ПВР-39 со стороны интер-

нированных резко возросло в период с октября по декабрь 1940 года. Наиболее частыми являлись отказы от выхода на работу, невыход на вечернюю поверку, невыход на дежурства по кухне, оскорбления сотрудников дежурной смены, а также употребление спиртных напитков, попытки продажи казенного имущества и личных вещей, хулиганства в городе во время увольнений и так далее. Например, интернированный Г. на работах в городе «...напился водки и был в бесчувственном состоянии доставлен в лагерь...», за что был арестован на 20 суток; 30 и 31 октября несколько интернированных «...явились в лагерь в нетрезвом виде... были доставлены в милицию, а оттуда направлены в лагерь»; при обходе расположения третьей роты интернированные ругали коменданта нецензурными словами [22] и так далее. Эти проступки вынудили руководство лагеря на применение соответствующих мер наказания. В частности, приказом от 10.11.1940 всех явившихся в лагерь из города в состоянии опьянения предписывалось лишать увольнения на 45 суток.

Скорее всего, причиной ослабления дисциплины среди интернированных стала их постепенная отправка из лагеря за границу. На основании доклада начальника УПВИ НКВД СССР от 06.05.1941 из 803 человек отправлено за границу 639, освобождено по просьбе Коминтерна трое, осталось – 161 (из которых двое в бегах) [8], которые ожидали очередной отправки за границу.

Начало Великой Отечественной войны внесло коррективы в положение интернированных legionеров. Необходимо подчеркнуть, что чехословацкое правительство в эмиграции в Лондоне предпринимало попытки добиться от советского

руководства переброски Чехословацкого legionа во Францию, что в конечном итоге принесло свои плоды, и большая часть legionа к началу войны оказалась за пределами СССР. Количественный состав оставшихся авторам пока также не представляется возможным точно установить. Например, по данным Л. Свободы «...ко дню нападения фашистской германии на Советский Союз... из польского legionа (так указанный автор именует Чехословацкий legion) на советской земле осталось лишь девяносто три человека», тогда как по данным ГУПВИ НКВД СССР на 08.07.1941 в Суздальском лагере НКВД содержалось 113 интернированных чехов.

18.07.1941 Чехословацкое правительство заключило соглашение с СССР о возможности формирования на территории СССР чехословацких частей для борьбы с фашистской Германией, на основании которого оставшиеся legionеры должны были вступить в ряды предполагавшегося формирования чехословацкой воинской части. Кроме того, в июле в Суздальский лагерь должны были прибыть из Понойского лагеря НКВД СССР 1 967 поляков для набора в начавшуюся формироваться на территории СССР Польскую армию под командованием генерала В. Андерса. Поэтому, с целью освобождения помещений Спасо-Евфимиевого монастыря под ожидаемый контингент, 22.06.1941 оставшуюся группу чехословаков под командованием надпоручика Бедржика, выразивших желание продолжить борьбу с Германией, перевели в казармы Покровского монастыря, с возложением на него организации охраны помещений и имущества legionеров. Для этого приказом начальника лагеря предписывалось орга-

низовать три поста и запретить выход за пределы каменной ограды монастыря без разрешения начальника лагеря.

Необходимо подчеркнуть, что за период нахождения контингента в режиме ожидания перевода в Оранский лагерь нарушений со стороны чехословаков не наблюдалось, за исключением карточной игры на деньги. Однако в качестве санкции со стороны лагерной администрации ограничилось предупреждением в приказе начальника лагеря от 26.08.1941, в котором подчеркивалось, что, если подобное повторится, виновные будут лишены увольнения в город до отъезда из лагеря.

В сентябре 1941 года оставшаяся часть легиона убыла из Суздальского лагеря для формирования Чехословацкой бригады, которое началось в населенном пункте Бузулук Оренбургской области с прибытием 93 чехословацких военнослужащих.

Таким образом, с момента интернирования в сентябре 1939 года до отправки за границу или направления на формирование в структуре РККА особой чехословацкой воинской части, Чехословацкий легион пользовался правами интернированных, правовой статус которых был закреплён в международном праве и не только признавался, но и соблюдался Советским государством в лице компетентных органов, в данном случае – НКВД СССР. Несмотря на то, что нормативными правовы-

ми актами СССР, а так же ведомственными инструкциями НКВД СССР правовое положение интернированных отдельно не регламентировалось, в большинстве ведомственных инструкций, докладных записок, спецсообщений НКВД СССР, касавшихся положения польских военнопленных, имелись оговорки, определявшие особый статус Чехословацкого легиона. Вместе с тем, опираясь на специфику данного воинского формирования, легион, во-первых, был отделен от основной массы военнопленных, ему были предложены иные условия содержания, что привело к неоднократной передислокации с поиском оптимального места содержания, а также к созданию относительно благоприятного режима содержания, на него не распространялись в полном объеме положения советской исправительно-трудовой политики с обязательным использованием труда заключенных на строительстве объектов экономического потенциала СССР. Именно в силу специфики правового статуса интернированных советское правительство предоставило Чехословацкому легиону условия, приемлемые для содержания подобной категории лиц в конкретных исторических условиях конца 30-х годов, что не идет ни в какое сравнение с положением польских военнопленных и тем более спецконтингента ИТЛ ГУЛАГ НКВД СССР.

1. Белова Н. А. Деятельность пенитенциарных учреждений и их роль в репрессивной политике советского государства в 1937–1953 гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей) : дис. ... канд. истор. наук. Вологда, 2008. 222 с.

2. Кузьминых А. Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.) : дис. ... д-ра истор. наук. Архангельск, 2014. С. 146.

3. Маркдорф Н. М. Иностранцы военнопленные и интернированные в Западной Сибири: 1943–1956 : дис. ... доктора истор. наук. Новосибирск, 2012. 589 с.

4. Документ № 23. Директива УПВ НКВД СССР об организации работы отделений по учету военнопленных в лагерях // Катынские материалы [сайт]. URL: <http://katynfiles.com/content/book-katyn-1.html#doc19> (дата обращения: 11.06.2021).

5. Сводка о наличии военнопленных, содержащихся в лагерях // Руниверс [сайт]. URL: <https://goo.su/5ZFB> (дата обращения: 11.06.2021).
6. Положение о лагере для военнопленных от 23.09.1939 // Электронная библиотека исторических документов [сайт]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/232565#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 11.06.2021).
7. ОСФиРЖПР ИЦ УМВД России по Владимирской области. Ф. 15л. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.
8. Документ № 101. Служебная записка начальника 5-го отдела ГУТБ НКВД СССР П. М. Фитина П. К. Сопруненко об отправке интернированных легионеров быв. чехословацкого легиона Войска Польского из Суздальского лагеря в гор. Одессу // Катынь [сайт]. URL: http://www.katyn-books.ru/archive/1940_2000/doc/101doc.html (дата обращения: 15.06.2021).
9. Архив ОСФиРЖПР ИЦ УМВД России по Владимирской области. Ф. 15л. Оп. 1. Д. 25. Л. 6–8.
10. Правила внутреннего распорядка лагеря НКВД СССР для содержания военнопленных // Фонд Александра Н. Яковлева [сайт]. URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1007896> (дата обращения: 15.06.2021).
11. Архив ОСФиРЖПР ИЦ УМВД России по Владимирской области. Ф. 15л. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.
12. Архив ОСФиРЖПР ИЦ УМВД России по Владимирской области. Ф. 15л. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.
13. Архив ОСФиРЖПР ИЦ УМВД России по Владимирской области. Ф. 15л. Оп. 1. Д. 25. Л. 9.
14. Архив ОСФиРЖПР ИЦ УМВД России по Владимирской области. Ф. 15л. Оп. 1. Д. 25. Л. 31.
15. Архив ОСФиРЖПР ИЦ УМВД России по Владимирской области. Ф. 15л. Оп. 1. Д. 25. Л. 31 (об).
16. Архив ОСФиРЖПР ИЦ УМВД России по Владимирской области. Ф. 15л. Оп. 1. Д. 25. Л. 35.
17. Архив ОСФиРЖПР ИЦ УМВД России по Владимирской области. Ф. 15л. Оп. 1. Д. 25. Л. 25, 32.
18. Архив ОСФиРЖПР ИЦ УМВД России по Владимирской области. Ф. 15л. Оп. 1. Д. 25. Л. 35, 38, 39, 41.
19. Архив ОСФиРЖПР ИЦ УМВД России по Владимирской области. Ф. 15л. Оп. 1. Д. 25. Л. 59.
20. Архив ОСФиРЖПР ИЦ УМВД России по Владимирской области. Ф. 15л. Оп. 1. Д. 25. Л. 10.
21. Документ № 130. Докладная записка Л. П. Берии И. В. Сталину о плане создания на территории СССР воинского соединения из польских военнопленных // Катынь. [сайт]. URL: http://www.katyn-books.ru/archive/1940_2000/19402000.html#08ch (дата обращения: 15.06.2021).
22. Архив ОСФиРЖПР ИЦ УМВД России по Владимирской области. Ф. 15л. Оп. 1. Д. 25. Л. 71, 73, 82, 89, 93, 99, 126, 133.

1. Belova, N. A. (2008) *Activities of penitentiary institutions and their role in the repressive policy of the Soviet state in 1937-1953. (based on materials from the Arkhangelsk and Vologda regions)* : thesis ... of Candidate of History. Vologda, 222 p.
2. Kuzminykh, A. L. (2014) *The system of war captivity and internment in the USSR: genesis, functioning, camp experience (1939-1956)* : thesis ... of Dr. of Law. Arkhangelsk, p. 146.
3. Markdorf, N. M. (2012) *Foreign prisoners of war and internees in Western Siberia: 1943–1956* : thesis ... of Doctor of History Novosibirsk, 589 p.

4. Document No. 23. Directive of the Department for Prisoners of War of the NKVD of the USSR on the organization of the work of departments for the registration of prisoners of war in camps // Katyn materials [site]. URL: <http://katynfiles.com/content/book-katyn-1.html#doc19> [Accessed 11th June 2021].
5. Summary of the presence of prisoners of war kept in the camps // Runivers [site]. URL: <https://goo.su/5ZFB> [Accessed 11th June 2021].
6. Regulations on the camp for prisoners of war dated 23.09.1939 // Electronic library of historical documents [site]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/232565#mode/inspect/page/1/zoom/4> [Accessed 11th June 2021].
7. Archive of the Department of Special Funds and Rehabilitation of Victims of Political Repressions, the MIA Administration for the Vladimir Region. F. 15 sheets. Inventory 1. Folder 25. Sheet 1.
8. Documents No.101 Memo of the head of the 5th department of the GA for State Security of the NKVD of the USSR P. M. Fitin to P K. Soprunenko on the dispatch of interned legionnaires of the former Czechoslovak Legion of the Polish troops from the Suzdal camp to Odessa // Katyn [site]. URL: http://www.katyn-books.ru/archive/1940_2000/doc/101doc.html [Accessed 15th June 2021].
9. Archive of the Department of Special Funds and Rehabilitation of Victims of Political Repressions, the MIA Administration for the Vladimir Region. F. 15 sheets. Inventory 1. Folder 25. Sheets 6–8.
10. Internal regulations of the USSR NKVD camp for the keeping of prisoners of war // Alexander N. Yakovlev Foundation [site]. URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1007896> [Accessed 15th June 2021].
11. Archive of the Department of Special Funds and Rehabilitation of Victims of Political Repressions, the MIA Administration for the Vladimir Region. F. 15 sheets. Inventory 1. Folder 25. Sheet 2.
12. Archive of the Department of Special Funds and Rehabilitation of Victims of Political Repressions, the MIA Administration for the Vladimir Region. F. 15 sheets. Inventory 1. Folder 25. Sheet 3.
13. Archive of the Department of Special Funds and Rehabilitation of Victims of Political Repressions, the MIA Administration for the Vladimir Region. F. 15 sheets. Inventory 1. Folder 25. Sheet 9.
14. Archive of the Department of Special Funds and Rehabilitation of Victims of Political Repressions, the MIA Administration for the Vladimir Region. F. 15 sheets. Inventory 1. Folder 25. Sheet 31.
15. Archive of the Department of Special Funds and Rehabilitation of Victims of Political Repressions, the MIA Administration for the Vladimir Region. F. 15 sheets. Inventory 1. Folder 25. Sheet 31 (ob).
16. Archive of the Department of Special Funds and Rehabilitation of Victims of Political Repressions, the MIA Administration for the Vladimir Region. F. 15 sheets. Inventory 1. Folder 25. Sheet 35.
17. Archive of the Department of Special Funds and Rehabilitation of Victims of Political Repressions, the MIA Administration for the Vladimir Region. F. 15 sheets. Inventory 1. Folder 25. Sheets 25, 32.
18. Archive of the Department of Special Funds and Rehabilitation of Victims of Political Repressions, the MIA Administration for the Vladimir Region. F. 15 sheets. Inventory 1. Folder 25. Sheets 35, 38, 39, 41.
19. Archive of the Department of Special Funds and Rehabilitation of Victims of Political Repressions, the MIA Administration for the Vladimir Region. F. 15 sheets. Inventory 1. Folder 25. Sheet 59.
20. Archive of the Department of Special Funds and Rehabilitation of Victims of Political Repressions, the MIA Administration for the Vladimir Region. F. 15 sheets. Inventory 1. Folder 25. Sheet 10.
21. Document No. 130. Memorandum by L.P. Beria to I.V. Stalin on the plan to create a military unit from Polish prisoners of war on the territory of the USSR // Katyn. March 1940 - September 2000 Shooting down. The fate of the living. Echo of Katyn. Documents [site]. URL: http://www.katyn-books.ru/archive/1940_2000/19402000.html#08ch [Accessed 15th June 2021].
22. Archive of the Department of Special Funds and Rehabilitation of Victims of Political Repressions, the MIA Administration for the Vladimir Region. F. 15 sheets. Inventory 1. Folder 25. Sheets 71, 73, 82, 89, 93, 99, 126, 133.